

О. Л. Лейбович
**СОВЕТСКИЙ ГОРОД МОЛОТОВ
В ЛИЧНОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ НА РУБЕЖЕ 1940-х и 1950-х гг.**

УДК 94 (470.5) "1940/1950"

ББК 63.3 (235.55) 631

В статье представлена интерпретация развития советского города в первое послевоенное десятилетие в двух проекциях — социологической и антропологической. Единицей исторического анализа выбран областной центр на Западном Урале — город Молотов (Пермь). Выбранным исследовательским стратегиям соответствуют два типа источников: в первом случае — официальные документы партийного и советского делопроизводства; во втором — эго-документы (в частности, дневник рабочего завода им. Сталина А. И. Дмитриева за 1946–1955 гг.). В качестве объяснительной социологической теории принята европейская концепция урбанизма, сложившаяся в 1950–1960-е гг. Обнаружено противоречие между институциональной характеристикой областного центра и личностными практиками его жителей. По состоянию предметной среды, по формам социальной зависимости обывателей город Молотов был агломерацией отдельных поселков (слобод) вокруг заводов и резиденцией властных учреждений, но отнюдь не городом современного типа. В то же время в личностных стратегиях его обитателей можно обнаружить элементы урбанистического стиля жизни: формирование частной сферы за счет приватизации публичного (заводского) пространства; выстраивание отношений обмена (малых рынков), наивный экономизм и рационализм в поведении, ценность досуга. Высказано предположение о том, что эти индивидуальные практики впоследствии произвели новую урбанистическую культуру, однотипную с западной. Для ее воспроизводства потребовалась иная предметная среда: отдельное жилище со всеми удобствами, надежные средства коммуникации, эффективная социальная инфраструктура, благоустройство публичных пространств.

Ключевые слова: советский город, 1940–1950-е гг., городская среда, урбанизм, горожанин, личностные стратегии

«Город имени В. М. Молотова имеет очень убогий вид», — поделился своими впечатлениями с секретарем обкома КПСС в январе 1953 г. житель областного центра.¹ Высший представитель местной партийной власти вынужден был с ним согласиться. «Резко отстают жилищно-коммунальное хозяйство города Молотова», — докладывал он в ЦК КПСС.² Канцелярской формулой описывались немощные улицы, барачные поселки, «дышащая на ладан» канализация, запустение и неухоженность публичных пространств. На партийном собрании в Управлении внутренних дел, обсуждавшем годом ранее директивы очередной пятилетки, выступавшие говорили о том, что, кроме названия, в городе ничего не изменилось к лучшему: «Недостаток жилплощади увеличивается с каждым годом, канализации

ливневой нет, фекальной не прибавилось, света уличного почти нет, вода загрязненная, грязи в городе хоть отбавляй».³

Действительно, город Молотов в первое послевоенное десятилетие представлял собой агломерацию рабочих слобод, до революции просто называемых заводами, сельских усадеб с огородами вдоль проезжих путей — изрытых ухабами улиц со сломанными деревянными тротуарами — и малых островков урбанистической цивилизации протяженностью в два-три благоустроенных квартала в центре и южной оконечности города.

Городской статус областного центра определялся характером занятости населения — на промышленных предприятиях, в строительных трестах и в государственных конторах. Молотов был местом расположения десятков заводов и фабрик, в том числе союзного значения.⁴

¹ Аноним — Прассу. 27.01.1953. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 179. Л. 20.

² Прасс Ф. М. — Хрущеву Н. С. 12.12.1953. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 123. Л. 202.

Лейбович Олег Леонидович — д.и.н., профессор, Пермский государственный институт культуры (г. Пермь)
E-mail: oleg.leibov@gmail.com

³ Протокол общего партийного собрания парторганизации Управления МВД по Молотовской области. 08.09.1952. ПермГАНИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 106. Л. 147.

⁴ Список категоризованных объектов промышленности по Молотовской области. 09.02.1950. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 212. Л. 38.

«В результате такого бурного промышленного роста население города против 1917 г. увеличилось почти в 6 раз и составляет в данное время более 400 000 человек. Черта города увеличилась за это же время в 5,5 раз и занимает площадь, равную 62 000 га», — читаем в официальной справке, составленной городским начальством сразу же после войны.⁵

Ускоренно строили заводы; городское же хозяйство игнорировалось десятилетиями. «До 1938 строительство не развертывалось, т. к. город был районным центром Свердловской области, а с 1941 г. до конца войны все внимание было уделено работе промышленных предприятий. Город к окончанию войны оказался в исключительно запущенном состоянии», — докладывал в ЦК секретарь обкома.⁶ Это состояние не изменилось и спустя две пятилетки.

Город Молотов являлся резиденцией областных властей — партийных, советских, хозяйственных, надзорных и карательных. Трудно, однако, признать его действительным центром обширного административного образования. Надежных средств коммуникации с территориями не существовало. «Районы области территориально разбросаны: до северных Ныробского, Красновишерского, Чердынского, Гаинского, Косинского районов расстояние от центра области составляет 200–600 км, без железных дорог и автомобильного сообщения, до южных районов — Чернушинского, Щучье-озерского, Куединского, Большеусинского, Фокинского и др. — расстояние от Молотова по прямой 250 км, но, чтобы попасть туда, надо ехать через Свердловск или пользоваться авиатранспортом», — сообщал в Москву новый областной прокурор.⁷ Шоссейные дороги находились в состоянии едва ли пригодном для того, чтобы по ним передвигаться на грузовом или легковом транспорте.⁸

Таким образом, город Молотов в послевоенное десятилетие представлял собой гибридное социальное образование. По количеству населения и структуре его занятости, а также по административным функциям он мог быть уподоблен большому городу. В то же время ха-

рактер застройки, состояние коммуникаций, качество жилой среды отнюдь не являлись городскими, хотя бы в представлениях людей XX в. В начале столетия, в 1911 г., один из венских интеллектуалов объяснял, что он требует от города, в котором должен жить: «Асфальт, канализацию, ключи от парадного, отопление, водопровод с горячей водой».⁹ Всем этим подавляющее большинство жителей Молотова пользоваться не могло.¹⁰ Для урбанистов в послевоенные годы главным отличием города от деревни также было наличие всяких удобств: канализации, центрального отопления, исправного городского транспорта.¹¹

С позиций западной городской социологии 1940–1950-х гг. было бы затруднительно найти подходящую объяснительную модель для характеристики города Молотова. Заметим, что советской социологии города вплоть до 1960-х гг. просто не существовало.¹² Когда же наконец появились первые урбанистические исследования в СССР, они по своему концептуальному наполнению, инструментарию и даже словарю во многом повторяли то, что было сделано в США.¹³

Л. Вирт некогда определил город как крупное поселение, в котором проживают люди, относящиеся к различным социальным группам.¹⁴ Население Молотова также не было однородным. В нем проживали люди с разным уровнем достатка, образования, социального статуса: номенклатурные работники, люди интеллигентных профессий, рабочие разной квалификации, домохозяйки, домашняя

⁵ К проекту постановления Совета Министров Союза ССР. Объяснительная записка. 1946 г. Без даты. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 133. Л. 6.

⁶ Хмелевский К. М. — Кузнецову А. А. 26.06.1946. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 133. Л. 13–14.

⁷ Яковлев — Баранову (прокурору РСФСР). 05.07.50. ГАПК. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 192.

⁸ Цикляев — Струеву А. И. 06.02.1954. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 160. Л. 136.

⁹ Kraus K. Aphorismen. Sprüche und Widersprüche. Pro domo el mundo. Frankfurt am Main, 1986. S. 209.

¹⁰ «В целом по городу жилая площадь на одного человека не превышает 4 кв. м. Из общего жилого фонда 1 964,7 тыс. кв. метров одноэтажная деревянная застройка составляет 821,0 тыс. кв. м, или 41,9 %; барачного типа — 289,0 тыс. кв. метров, или 14 %. Основные центральные магистрали медленно застраиваются многоэтажными жилыми домами и административными зданиями для областных организаций. На заводе № 19 Министерства авиационной промышленности 189 семей живут в аварийных бараках, а всего нуждающихся в квартирах — 2 000 рабочих. Исключительно тяжелое положение с жилищными условиями рабочих на заводах № 98 и 172 Министерства оборонной промышленности» (Пращ Ф. М. — Хрущеву Н. С. 12.12.1953. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 123. Л. 202).

¹¹ См.: Schoeller P. Die deutsche Städte. Wiesbaden, 1967.

¹² См.: Колбановский В. В. К истории послесталинской социологии // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 23–26.

¹³ М. Кастельс в свое время не делал исключения для СССР, когда утверждал, что «городская социология есть изначально социология американская» (Castells M. Théorie et idéologie en sociologie urbaine // Sociologie et sociétés. 1969. Vol. 1, № 2. P. 174).

¹⁴ См.: Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 93–118.

прислуга, военные и гражданские. Экономические различия между ними могли быть не только значительными, но и видимыми и осуждаемыми. Можно было вести речь и о социальной поляризации жителей Молотова. Привилегированному меньшинству противостояли толпы обездоленных людей: полуголодных и плохо одетых. В анонимном письме, адресованном секретарю обкома партии сотрудницу партийного аппарата обвиняли в том, что она «...брезгует рабочего человека, если он плохо одет, называла “шпаной”, “пьяницей”».¹⁵

Иные определения города группировались вокруг двух явлений — социальной гигиены и индивидуальных свобод. С точки зрения социальной гигиены Молотов современным городом не являлся: был грязным, запущенным и опасным для здоровья. В записке, адресованной председателю Совета Министров РСФСР, секретарь обкома партии предупреждал: «Канализационная сеть г. Молотова, крайне перегруженная и не ремонтировавшаяся на протяжении многих лет, доведена до катастрофического состояния. В городе изо дня в день происходят аварии основных коллекторов, вызывающие выход сточных вод на поверхность улиц и выключение большого числа канализационных зданий».¹⁶ Ситуация к лучшему менялась медленно. Эпидемии дизентерии вспыхивали ежегодно. Горисполком вновь и вновь напоминал, что медицинские органы «...не извлекли уроков прошлого года и не приняли необходимых мер к созданию резервных коек на случай вспышки дизентерии в 1952 г., в результате чего госпитализировать людей негде».¹⁷ Больницы располагались большей частью в приспособленных помещениях. Не хватало ни врачей, ни лекарств, ни площадей.

Чтобы смыть недельную грязь, жители Молотова выстраивались в очередь перед банями, где «...шкафы сделаны 10 лет тому назад, тесные, никак не повернешься, пальто повесить нельзя, вместо вешалок забиты гвозди. Краны неисправные, тазы гнусные, нельзя взять».¹⁸

Тема городских свобод была поднята на так называемом «Германском дне города» в 1960 г. Утверждалось, что урбанизм обуслов-

лен двумя основополагающими факторами — гражданскими добродетелями и соучастием горожан в местном самоуправлении (в этом и осуществлялась демократия). Гражданские добродетели возможны там, где социальное положение горожан не определяется ни их социальным происхождением, ни аристократическими правилами.¹⁹ В Молотове правила социального поведения были отнюдь не аристократическими. Скорее их можно было бы описать в терминах низовой культуры, характерной для ранних этапов урбанизации: здесь привычным явлением была грубость нравов, отсутствие четких границ между нормальным и девиантным поведением, привычка к насилию и повальное пьянство.

«Взять Молотовскую область, я нигде не видал такого массового пьянства мужчин и женщин, что в рабочий день валяются по городу не десятки, а сотни пьяных мужчин и женщин, подчас в трамвае валяется пьяный, милиционер спокойно перешагивает через него, в результате массовое нищенство в городе, забываются отцовские и материнские обязанности, развита проституция открытая, усиливается влияние поповщины», — писал в ЦК ВКП(б) в 1952 г. офицер Молотовского гарнизона.²⁰

Город — это пространство личной свободы, доказывал в 1961 г. немецкий социолог Г. П. Бардт. «Город, — писал он, — это поселение, в котором повсюду... в повседневной жизни проявляется тенденция к поляризации между общественным и частным».²¹ И появляется она вследствие рыночной организации социальной жизни. «Устройство рынка, — утверждал социолог, — гарантирует неограниченный выбор контактов каждому индивиду, открытость социальных возможностей индивида, в полной власти которого остается принятие решений о том, каким образом и насколько долго поддерживать контакты и вступить с кем бы то ни было во взаимодействие».²²

Город Молотов явно не соответствовал критериям свободы. В самом центре его, в трех кварталах от обкома КПСС, находилось

¹⁵ Аноним — Прассу Ф. М. 18.03.1953. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 177. Л. 131.

¹⁶ Хмелевский — Родионову. 29.06.1948. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 131. Л. 33.

¹⁷ Исполком Молотовского горсовета депутатов трудящихся. Решение 401/223с 14.07.1952 г. ГАПК. Ф. р176. Оп. 6. Д. 222. Л. 74.

¹⁸ Стенограмма VI пленума Молотовского обкома ВКП(б). 13–14 января 1950 г. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2. Л. 154.

¹⁹ См.: Salin E. Urbanität // Erneuerung unserer Städte. Köln, 1960. S. 34.

²⁰ Армейская дисциплина в офицерском письме 1952 года. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/hd/2003/hd.030703.asp> (дата обращения: 02.02.2017).

²¹ Bahrdt H. P. Die moderne Großstadt. Soziologische Überlegungen zum Städtebau. Hamburg, 1961. S. 38.

²² Ibid. S. 39, 40.

лагерное отделение № 17.²³ Прохожие могли ежедневно наблюдать одну и ту же картину. По главным улицам конвойные с рычащими овчарками на поводке гнали колонны заключенных: утром — по заводам и строительным площадкам, вечером — в места постоянного содержания.²⁴

Вплоть до 1956 г. индустриальные рабочие были прикреплены к предприятиям.²⁵ До войны отделы найма и увольнения изымали у них паспорта. В 1940-е гг. такая практика была прекращена. Жители режимного города Молотова были обязаны держать их при себе на случай уличной проверки документов. Тем не менее, рабочий с паспортом или без него мог уволиться с завода только по распоряжению начальства, при этом с потерей ведомственного жилья.

Иначе говоря, город Молотов был местом жительства несвободных людей, т. е. в соответствии с концептом Г. П. Бардта он не был городом. Можно принять смягченный вариант оценки и признать его городом советским, т. е. особенным, пребывающим к тому же на ранней стадии урбанизации.²⁶ Впрочем оценка может измениться, если сменить «оптику» исследования — взглянуть на город с точки зрения его обитателя.

Для того чтобы понять социокультурную природу советского города, представляется целесообразным обратиться к эго-документам, в нашем случае — к дневнику А. И. Дмитриева (период 1946–1955 гг.), рабочего завода № 19 имени Сталина.²⁷ В конечном счете,

степени свободы в городской жизни могут быть представлены только в личной перспективе. Именно горожанин вправе оценить, насколько он независим, какими возможностями располагает в городском пространстве. Попробуем использовать логику исследования, предложенную Г. П. Бардтом, т. е. попробуем найти локус частной жизни, определить границы между частными и публичными пространствами, ранжировать публичные пространства по степени их освоенности, привычности и безопасности.

Александр Иванович Дмитриев (1918–2005) принадлежал к советской «рабочей аристократии». Горожанин во втором поколении, он закончил семилетку, учился в техникуме, ушел из него, получив профессиональное образование на курсах мастеров социалистического труда.²⁸ Он работал на заводе № 19 — самом передовом предприятии в Молотове, выпускавшем авиадвигатели.²⁹ У станка А. И. Дмитриев не стоял: он был испытателем двигателей, контролером, наладчиком, иначе говоря, принадлежал к первой группе рабочих по степени механизации труда. Он уже не был ни придатком к машине, ни особого рода «машиной», производящей повторяющиеся, рутинные операции. В труде наладчика присутствовали расчет, точное знание технологических процессов, умение фиксировать возникающие неполадки, выяснять их причину и даже устранять их.³⁰ Работа на летной испытательной станции

²³ Протокол общего партийного собрания парторганизации Управления МВД по Молотовской области. 08.09.1952. Л. 147.

²⁴ Стенограмма доклада областного прокурора т. Куляпина на объединенном совещании работников прокуратуры и МВД. 20.10.1948 г. ГАПК. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 17. Л. 14.

²⁵ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Изв. Советов депутатов трудящихся СССР 27 июня 1940 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4252.htm (дата обращения: 10.12.2013). Только на заводах им. Сталина, им. Молотова, им. Дзержинского в городе Молотове в 1947 г. и в первом квартале 1948 г. было составлено и передано в народные суды 6 493 дела о прогулах и дезертирстве, а всего по области под суд попало 32 375 человек. За 5 месяцев 1948 г. было отдано под суд 12 643 человека (Справка о результатах проверки и изучения практики отдачи рабочих под суд за прогулы в промышленных предприятиях области и осуждения несовершеннолетних детей. Машинопись. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 442. Л. 145).

²⁶ В литературе ГДР двумя десятилетиями позднее был введен в обращение термин «социалистический урбанизм». По своему характеру он был противоположен урбанизму буржуазному (см.: Wauer R. Urbanisierung und Urbanitaet // Architektur der DDR. 1977. № 7. С. 44).

²⁷ О А. И. Дмитриеве см.: Семянников В. В., Быстрых Т. И. Дмитриев Александр Иванович // Пермский край: [электрон.]

энцикл. [2009]. URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803701272> (дата обращения: 21.02.2017). Дневники А. И. Дмитриева находятся на хранении в ПермГАНИ, в фонде 6330 («Архивная коллекция документов краеведов»). Дневники 1946–1955 гг. опубликованы. См.: Дневник рабочего (III 1946 — XII 1955). Документальная публикация. Пермь, 2014. CD. Они также размещены на сайте prozhito.org. О дневниках А. И. Дмитриева см.: Кабацков А. Н. Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику А. Дмитриева. 1946–1953) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: материалы VII Межвуз. науч. конф., Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М., 2015. С. 183–192; Он же. «Может быть, через несколько лет этот дневник попадет кому-нибудь в руки...» // Ист. экспертиза. 2016. № 4. С. 223–231; Скиперских А. В. Как при Сталине // Свободная мысль. 2015. № 4. С. 208–216.

²⁸ Курсы мастеров социалистического труда — высшая ступень профессиональной подготовки рабочих во второй половине 1930-х–1940-х гг. Обучение продолжалось в течение трех лет и включало в себя также общеобразовательные предметы. Выпускники курсов могли занимать административные должности в производстве — мастера, начальника смены, заместителя начальника цеха (см.: Устинов Д. Во имя Победы. Записки наркома вооружения. М., 1988. С. 107).

²⁹ См.: Пермский моторостроительный: очерки истории завода им. Я. М. Свердлова / И. Четверик [и др.]. Пермь, 1977.

³⁰ См.: Социология социалистического производственного коллектива / З. И. Файнбург [и др.]. М., 1982.

не была легкой и безопасной. Постоянный рев двигателей мог «помутить рассудок». В одной из дневниковых записей А. И. Дмитриев пересказывает свое выступление на профсоюзном собрании: надо принимать меры, сокращать рабочий день, «...иначе станция останется скоро без кадровых рабочих, потому что очень многие сошли с ума, многие ушли из цеха, а у остальных такой вид, что и они вот-вот загнутся».³¹ Правда платили за такую работу хорошо — от 1500 до 2000 рублей в месяц. Оклад парторга на том же заводе имени Сталина в 1946 г. не превышал 2000 рублей в месяц.³² Для большинства же рабочих «жизнь оставалась борьбой за выживание».³³

Ядром частной жизни — в соответствии с установками европейской урбанистической школы — являлось жилище. А. И. Дмитриев жил в поселке при заводе № 19 в деревянном доме, по поводу которого вел непрерывную тяжбу со собственниками, соседями и родственниками. Обращался в суд, в прокуратуру, к депутату Верховного Совета, записывался на прием к секретарю обкома, в общем, всеми легальными способами пытался обратить в свою собственность это деревянное строение без всяких удобств. Походы в коммунальную баню он аккуратно отмечал в дневнике. Обустройством дома занимался без особого рвения, но регулярно. Вот одна из его записей: «8 июня. Дровник я переделал за три дня. Сейчас в нем более чище, да и места кажется больше. Правда, крыша будет немного протекать, но что я мог сделать из старых досок. <...> Сегодня ночью весь мусор из ограды вывез. Еще вот надо все дрова испилить и сложить, и тогда все будет в порядке. Уборная — не в счет».³⁴

Действительным домом для А. И. Дмитриева был все-таки завод. В дневниках нельзя найти лирических излияний в адрес родного предприятия. Их автор — человек далеко не восторженный, видно, однако, что заводом он дорожит, его интересы готов защищать, успехам искренне радуется, вместе с товарищами

ждет испытаний нового двигателя. Он пишет: «Скоро мы уже должны будем испытывать первую машину, собранную полностью на нашем заводе. Этот день недалек».³⁵

Дмитриев легко ориентировался в заводских производственных и социальных лабиринтах, находя дорогу и к лучшим условиям труда, и к разного рода материальным и нематериальным преимуществам. Когда не получалось, по-настоящему злился: «Вот и по 12.00 часов заставили работать. Завтра я иду с утра. Спрашивается, где же рабочая правда? Ведь несмотря на то, что будут давать “выходные” дни, мы каждый месяц будем перерабатывать по 84 часа. И за них даже платить не обещают.

На кой же хрен тогда разные конституции и законы об охране труда, когда они сплошь и рядом нарушаются. В общем, нет правды на Руси!»³⁶

Правду на заводе он «мастерил» себе сам: обрастал социальными связями с нужными людьми в столовой, на кухне, у нормировщиков; пользовался своими знаниями об условиях труда на разных участках, хитрил с начальством. Мог подделать командировочное удостоверение и получить дополнительные выплаты, выпросить талоны на усиленное питание, обменять услугу на услугу, что-то выгадать, от чего-то неприятного уклониться, получить общественную должность в профсоюзе, чтобы быть поближе к системе распределения и воспользоваться ею. На собраниях не отмалчивался, а вновь и вновь добивался прибавок к зарплате, сокращения рабочего дня, путевок на курорты для своих товарищей и для себя. Если суммировать все эти практики, то можно увидеть в них общую тенденцию — приватизацию публичного заводского пространства. Иначе говоря, частная сфера жизни А. И. Дмитриева формировалась в заводской социальной среде — в мире планов, регламентов, жестких систем иерархий, идеологических рамок. Внутри этой системы мастер социалистического труда из подручных средств год за годом выстраивал свое пристанище, закрытую от внешнего контроля социальную нишу.

Заметим, что организация публичного пространства на заводе № 19 скорее стимулировала подобные практики, нежели была им помехой. Завод имени Сталина был, что называется, «государством в государстве». Его директор —

³¹ Дневник А. И. Дмитриева. 29 марта 1947. URL: <http://prozhitto.org/notes?date=%221947-01-01%22&diaries=%5B426%5D> (дата обращения: 24.02.2017).

³² См.: Калинина О. Н. Партийные и советские руководители Западной Сибири в 1946–1964 гг.: опыт исторического анализа. Новосибирск, 2013. С. 188.

³³ Depretto J.-P. Donald Filtzer, Soviet workers and late Stalinism. // Cahiers du monde russe. 2004. № 45/3–4. URL: <http://monderusse.revues.org/4205> (дата обращения: 23.02.2017).

³⁴ Дневник А. И. Дмитриева. 8 июня 1947. URL: <http://prozhitto.org/notes?date=%221947-01-01%22&diaries=%5B426%5D> (дата обращения: 24.02.2017).

³⁵ Там же. 15 января 1955.

³⁶ Там же. 6 августа 1947.

генерал и орденосец А. Г. Солдатов — заставил считаться с собой местные партийные инстанции. Областные начальники роптали, пытались даже умерить своеволие несговорчивого директора, но до поры до времени практически безрезультатно. Секретарь обкома фактически выступал в роли добровольного помощника директора, обращаясь с настойчивыми просьбами к министру авиационной промышленности погасить долги и ускорить финансирование новых проектов.³⁷ Проходные завода были непроницаемы даже для прокуратуры.³⁸

Завод был городом в миниатюре. Здесь в теплицах выращивали свежие овощи. В буфетах поили вином и пивом. В клубе праздновали Новый год, танцевали под аккордеон 8 марта. Работали сапожные пошивочные мастерские. Дмитриев, например, записывает: «Банкет в фабрике-кухне был нам устроен по поводу того, что прошла “комиссионка”». ³⁹ Собрались мы к 12.00 час. дня. Был спирт, пиво, холодные закуски. Все это было бесплатно». ⁴⁰

Таким образом, руководство завода выстраивало, как сегодня принято говорить, корпоративную культуру. В ней находилось место для культуры частной, примитивно экономической, вполне рациональной, с очень большой примесью досуговых практик. Огороженная колючей проволокой территория со сложной пропускной системой, как это ни парадоксально, создавала необходимую оболочку для частной жизни.

Город для А. И. Дмитриева — пространство открытое, в целом чужое и местами опасное, почти всюду непривлекательное. Слова «на улице грязь» встречаются в его дневнике неоднократно, иногда с добавлением: «дождь... и слякоть»;⁴¹ «всюду лужи, грязь и вода»;⁴²

³⁷ После войны завод № 19 переживал не лучшие времена вследствие конверсии авиационного парка страны. ОКБ А. Д. Швецова, функционирующее при заводе, «...предприняло последние усилия в продлении жизни мощных поршневых моторов, построив “в железе” 36-цилиндровую четырехрядную “звезду” воздушного охлаждения АШ-3ТК мощностью 6000 л. с. с турбокомпрессором наддува. Этот мотор оказался самым мощным поршневым мотором в мире, но... время его ушло, и доводка его не состоялась» (Августинич В. Битва за скорость. Великая война авиамоторов. М., 2010. С. 149). В 1948 г. завод мог остановиться. «Главуглеснаб и Министерство электростанций прекращают отпуск угля и электроэнергии» (Хмелевский — Хруничеву. Без даты. 1948. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 138. Л. 88).

³⁸ Симонов — Уракову. 19.07.1948. ГАПК. Ф. р1365. Оп. 2. Д. 217. Л. 118.

³⁹ Комиссионка (жарг.) — процедура испытания в разных режимах отобранных из готовой серии двигателей, продолжающаяся несколько недель.

⁴⁰ Дневник А. И. Дмитриева. 10 апреля 1947.

⁴¹ Там же. 19 октября 1947.

⁴² Там же. 9 апреля 1952.

«В городе настоящая бесхозяйственность».⁴³ На улицах беспокойно: раздевают, грабят, врываются в жилые дома. Милиция с преступниками справиться не может. В общем, надо сказать, что городской фон под пером А. И. Дмитриева выглядит серым, неприглядным и опасным, по отношению к человеку явно недружелюбным. И здесь он не расходится в оценках со своими земляками. Заметим только, что о городе он пишет немного. Впрочем, не забывает отмечать изменения к лучшему: «Все-таки в городе много сделали по благоустройству. Раньше, бывало, в это время, а сейчас сильные дожди начались, домой с чистыми ногами почти не придешь, а сейчас все от завода до дому приходится идти по асфальтированным дорожкам, и галоши не надо. В общем, лучше ходить стало».⁴⁴

В городе, однако, есть несколько зон, где автор дневника не ощущает ситуации отчуждения. Это прежде всего стихийный рынок у проходных завода — часто упоминаемая в дневниках барахолка. Здесь А. И. Дмитриев, фактически не таясь, производит финансовые операции: продает и покупает продовольственные карточки, затем подсчитывает маржу, торгует заводскими «облигациями»: «Сейчас вот еще день в полном разгаре, а я уже сижу дома в огороде и занимаюсь выведением фамилий с компенсаций, которые я купил на рынке за дешевку. Получается неплохо, не остается никаких почти следов. Так что я думаю, что занимался неплохим делом. Ведь на следующий год я уже буду по ним получать».⁴⁵

Дмитриев знает: это его территория, здесь не надо бояться ни облав, ни грабителей, ничего с ним не произойдет. А по дороге домой может случиться всякое. Нападет шпана, придется милиция. Чтобы отбиться от преступников, он заказывает в соседнем цехе нож. Чтобы отстали милиционеры, нужно заводить связи.

В этом опасном городе есть привлекательные места — клубы и театры. А. И. Дмитриев не пропускает ни одного нового фильма, ходит с женой, с товарищами или один, пьет

⁴³ Там же. 3 марта 1947.

⁴⁴ Там же. 9 сентября 1953.

⁴⁵ Там же. 4 мая 1947. Речь идет об именных долговых обязательствах завода № 19, касающихся выплат за не использованный в годы войны отпуск. Их стали выдавать с 1946 г. Одновременно было объявлено об отсрочке выплат. Компенсации тут же стали предметом купли-продажи: те, кто не хотел или не мог ждать, продавали их по сниженным ценам. Покупатели, чтобы ими воспользоваться, должны были совершить подлог — стереть старую фамилию и поставить свою. Этим автор дневника и занимался.

в буфете пиво или остается трезвым, но обязательно в дневнике отмечает и что смотрел, и понравился или нет фильм. Когда открыли для публики Дворец культуры имени Сталина, он был очарован этим событием: «Но лучше всего сам Дворец. Замечательный зрительный зал. Прекрасные фойе и комнаты отдыха. Всюду на стенах картины. На полу замечательные дорожки. Везде буфеты. Все чисто и красиво. Помещение просторное. В общем, очень замечательный Дворец. У нас в городе ничего подобного еще никогда не было. Вот за этот подарок рабочим действительно можно поблагодарить Солдатова».⁴⁶

Город для А. И. Дмитриева — это прежде всего завод, где он оборудовал себе частное пространство, вполне динамичное и благоустроенное. Его «контрапунктом» можно назвать негостеприимные открытые территории, находящиеся во власти чужих сил — преступников и милиционеров. Дихотомия между частным и публичным пространствами создает силовые линии, обуславливающие разные поведенческие траектории. Рабочий имеет право выбора в известных пределах, а именно в зоне малых полуполюгальных рынков, где он выступает и в роли продавца, и в роли покупателя. И здесь А. И. Дмитриев свободен, как

может быть свободен горожанин в экономической ситуации, институционально заданной: объемом и способом дохода, игрой рыночных цен, писаными и неписаными правилами.

Иначе говоря, если взглянуть на Молотов сквозь призму индивидуальных стратегий одного из его жителей, можно обнаружить в этом поселении городские черты, в том числе границы между приватным и публичным, рыночную организацию социальных связей в простейшей формуле «ты — мне, я — тебе», поведенческие свободы. Это особый вид городских институтов, далеко не полностью легализованных, далеких от цивилизованности, охватывающих своим влиянием не город в целом, но лишь отдельные его объекты. В личностной перспективе эти небрежно разбросанные по площадям бараки и дома из шлакоблоков, сельские усадьбы и школьные здания из кирпича, скорее разъединенные непроезжими дорогами и разбитыми тротуарами, чем объединенные ими, образуют город в его советской индустриальной оболочке. У него есть ресурс для дальнейшего развития. Это жители, освоившие самочинно урбанистическую культуру с ее наивным рационализмом, грубым экономизмом и умением использовать подручные средства для относительно свободного выбора.

Oleg L. Leybovich

Doctor of Historical Sciences, Perm State Institute of Culture (Russia, Perm)

E-mail: oleg.leibov@gmail.com

THE SOVIET MOLOTOV CITY IN THE PERSONAL DIMENSION AT THE TURN OF 1940–1950S

The article presents an interpretation of the Soviet city of 1940–1950s in two projections — sociological and anthropological. The unit of historical analysis of selected regional center of the Western Urals city of Molotov (Perm). The selected research strategy corresponds to two types of sources. In the first case — the official documents of the Party and the Soviet office; in the second — the ego-documents: the working diary plant them. Stalin A. I. Dmitriev for 1946–1955. As an explanatory sociological theory adopted by the European concept of urbanism, established in 1950–1960s. It was found a contradiction between the institutional characteristics of the regional center and personal practices of its inhabitants. As the subject environment, forms of social dependence inhabitants of Molotov was an agglomeration of individual settlements (settlements) around plants and the seat of government agencies, but not the city of the modern type. At the same time, the personal strategies of its inhabitants can be found elements of urban life style: the formation of the private sphere at the expense of privatization of public (factory) space; alignment of exchange relations (small markets), naive economics and rationality in behavior, recreational value. It is suggested that these individual practices run produced a new urban culture, the same type on the west. For its reproduction required a different subject environment: a single housing with all the amenities, a reliable means of communication, effective social infrastructure, the improvement of public spaces.

Keywords: *soviet city, 1940–1950s, the urban environment, urbanism, city-dweller, personal strategy*

⁴⁶ Там же. 8 февраля 1952.

REFERENCES

- Avgustinovich V.** *Bitva za skorost. Velikaya vojna aviamotorov* [The battle for speed. The great war of aircraft engines]. Moscow: Yauza-Eksmo Publ., 2010, 448 p. (in Russ.).
- Bahrdt H. P.** *Die moderne Großstadt. Soziologische Überlegungen zum Städtebau* [The modern city. Sociological considerations on urban planning]. Hamburg: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1961, 150 p. (in Germany).
- Castells M.** [Theory and ideology in urban sociology]. *Sociologie et sociétés* [Sociology and Society], 1969, vol. 1, no. 2, pp. 171–191. (in French).
- Chetverik I., Yakhlov V., Kamskiy B., Stryapunin S.** *Permskiy motorostroitelnyy: ocherki istorii zavoda im. Ya. M. Sverdlova* [Perm motor-building: essays of the history of the plant. Ya. M. Sverdlova]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1977, 495 p. (in Russ.).
- Depretto J.-P., Donald Filtzer,** Soviet workers and late Stalinism, *Cahiers du monde russe*, 2004, no. 45/3–4. Available at: <http://monderusse.revues.org/4205> (accessed: 23.02.2017). (in French).
- Faynburg Z. I., Balandin A. M., Gerchikov V. I.** *Sotsiologiya sotsialisticheskogo proizvodstvennogo kolektiva* [Sociology of the socialist production team]. Moscow: Profizdat Publ., 1982, 168 p. (in Russ.).
- Kabatskov A. N.** [“Maybe in a few years time someone will get this diary in his hand...”]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2016, no. 4, pp. 223–231. (in Russ.).
- Kabatskov A. N.** [The life of the Soviet worker in the late Stalin era (according to the diary of A. Dmitriev, 1946–1953)]. *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: materialy VII Mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii* [The Soviet State and society in the period of late Stalinism. 1945–1953: Materials of the VII Interuniversity Sci. Conf.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2015, pp. 183–192. (in Russ.).
- Kalinina O. N.** *Partiynye i sovetskie rukovoditeli Zapadnoy Sibiri v 1946–1964 gg.: opyt istoricheskogo analiza* [Party and Soviet leaders of Western Siberia in 1946–1964: the experience of historical analysis]. Novosibirsk: Parallel Publ., 2013, 435 p. (in Russ.).
- Kolbanovskiy V. V.** [To the history of post-Stalin sociology]. *Rossiyskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents]. Saint Petersburg: Russkiy Khristianskiy Gumanitarnyy Institut Publ., 1999, pp. 23–26. (in Russ.).
- Kraus K.** *Aphorismen. Sprüche und Widersprüche. Pro domo el mundo* [Aphorisms. Proverbs and contradictions. Pro domo el mundo]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1986, 544 p. (in Germany).
- Salin E.** [Urbanity]. *Erneuerung unserer Städte* [Renewal of our cities]. Köln: Kohlhammer, 1960, pp. 9–34. (in Germany).
- Schoeller P.** *Die deutsche Städte* [The German cities]. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1967, 107 p. (in Germany).
- Skiperskikh A. V.** [In the Stalin’s time]. *Svobodnaya mysl* [Free thought], 2015, no. 4, pp. 208–216. (in Russ.).
- Ustinov D.** *Vo imya Pobedy. Zapiski narkoma vooruzheniya* [In the name of Victory. Notes of the people’s commissar of armaments]. Moscow: Voenizdat Publ., 1988, 320 p. (in Russ.).
- Virt L.** [Urbanism as a way of life]. *Izbrannye raboty po sotsiologii* [Selected works on sociology]. Moscow: INION Publ., 2005, pp. 93–118. (in Russ.).
- Wauer R.** [Urbanization and urbanity]. *Architektur der DDR* [Architecture of the GDR], 1977, no. 7, pp. 44–51. (in Germany).